

Из прошлых воспоминаний

А. Л. Гребнев (Москва)

Для всех ученых, близко знавших В. Х. Василенко, сотрудников, работавших с ним, и его многочисленных учеников памяты первые дни июня, когда мы поздравляли его с днем рождения, желали счастья, крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов... Последнее чествование Владимира Харитоновича в связи с его 90-летием проходило в аудитории клиники, где он проработал 40 лет; было много гостей, огромное число самых искренних поздравлений и пожеланий, все надеялись, что предстоят новые встречи и беседы с ним...

Редколлегия журнала "Клиническая медицина" приняла решение посвятить майский номер Владимиру Харитоновичу, 35 лет возглавлявшему этот журнал, поместить в этом номере воспоминания о В. Х. Василенко и ряд научных работ его учеников и почитателей.

Мне было очень трудно писать воспоминания о своем учителе В. Х. Василенко, да и невозможно на нескольких страницах изложить все впечатления о 26-летней совместной работе. Хочется сказать главное: Владимир Харитонович был великим ученым, отличным преподавателем, замечательным врачом и очень хорошим человеком.

Великий ученый — это не только слова; достаточно внимательно прочитав его работы, чтобы убедиться в этом. Владимир Харитонович очень много знал; постоянно, вплоть до своей тяжелой болезни, очень много читал, притом не только современную медицинскую литературу, но и работы прежних лет, в частности классиков медицины, отдавая предпочтение первоисточникам. Имея отличную память и постоянно тренируя ее, он абсолютно не кичился своими знаниями, а использовал их для научной работы, для диагностики. Мое глубокое убеждение, что огромные знания В. Х. Василенко — это результат повседневного упорного труда. Он и сам говорил, что постоянная работа, постоянная тренировка мысли необходимы для поддержания жизненного тонуса и работоспособности. И он работал с большим напряжением до самого последнего времени. Доказательством тому служат вышедшие в свет его замечательные, полные глубокого научного содержания книги "Врачебный прогноз" (1982 г.) и "Введение в клинику внутренних болезней" (1985 г.), а также ряд оригинальных статей. Читая его работы последних лет, убеждаешься, что не столько календарный (паспортный) возраст определяет ценность ученого для науки, сколько его стремление повседневно упорно работать, не считаясь с недомоганием, плохим настроением, отсутствием в этот день вдохновения и прочими "объективными" причинами. Главное — трудиться на благо науки и здоровья людей, мужественное упорство в этом и высочайшая требовательность к себе.

В то же время Владимиру Харитонович не любил привлекать внимание сотрудников к своему упорному труду; многим казалось, что все ему дается легко, без особого труда и особых усилий. Вообще он был очень скромным человеком.

Чтобы слова о его работоспособности были не голословными, достаточно сказать, что он выписывал очень много научной литературы, в том числе и зарубежной, постоянно читал философские работы, хорошо знал труды классиков марксизма-ленинизма. Отсюда его воистину уникальное знание медицины, основных философских проблем, истории нашей страны, истории медицины.

Он не просто читал медицинскую литературу, а глубоко вникал в суть написанного, делал заметки, критические замечания, всегда стремился найти что-то новое, пытался увидеть будущее медицины. Он все делал очень ответственно. Как-то Владимир Харитонович спросил у меня: "Какой, на Ваш взгляд, должен быть критерий оценки усвоения нового (теоретического материала, методики)? Я считаю, — продолжал он, — что изучить что-то — это значит так глубоко овладеть соответствующими знаниями, чтобы можно было внести что-нибудь новое в этот вопрос". Это новое он постоянно вносил в медицину (усовершенствуя метод пальпации кишечника, разрабатывая классификацию тонов сердца, недостаточности кровообращения, язвенной болезни и симптоматических язв, разрабатывая проблему прогноза и т. д.).

Итак, упорный повседневный труд. В то же время Владимир Харитонович всегда подчеркивал, что врач должен быть всесторонне образованным человеком, бывать в театре, посещать выставки художников, читать художественную литературу. И сам Владимир Харитонович любил театр (особенно спектакли с хорошими исполнителями), кино. Несколько лет назад, когда я расхваливал Владимиру Харитоновичу один спектакль, он с присущим ему юмором заметил: "В моем возрасте я уже не могу себе позволить сходить в театр просто посмотреть спектакль — я иду смотреть игру актера" (он подразумевал "настоящего актера"). И среди близких знакомых Владимира Харитоновича было много известных деятелей искусства: артистов, скульпторов, художников.

Владимир Харитонович был замечательным врачом — знающим, чутким, великолепно владеющим методикой расспроса, непосредственного исследования больного, обладающим самой совершенной логикой врачебного мышления. Можно привести массу примеров, доказывающих, насколько хорошим диагностом был Владимир Харитонович, ограничусь только двумя. Консультируя больного с абсолютно достоверно установленным циррозом печени, Владимир Харитонович отметил, что печень его, действительно, очень плотна, но все же чуть мягче, чем можно было предполагать по клинической картине заболевания; по-видимому, в данном случае имеется и жировая дистрофия печеночной ткани. Это очень тонкое диагностическое заключение, основанное только на великолепном владении методом пальпации, в дальнейшем подтвердилось результатами гистологического исследования. Еще один сравнительно недавний пример: Владимира Харитоновича во время обхода попросили посмотреть больного, у которого периодически возникали боли в животе, повышалась температура, антибиотика давали временный эффект, больной похудел; врачи предполагали опухолевый процесс, но локализация опухоли оставалась неясной. Несколькими минут потребовалось Владимиру Харитоновичу, чтобы установить: у больного хронический перитонит, инкапсулированные абсцессы в брюшной полости. Несмотря на то что все "классические" симптомы перитонита отсутствовали, больной был переведен в хирургическую клинику и оперирован; диагноз подтвердился.

В совершенстве владея методами непосредственного исследования больного, В. Х. Василенко в то же время очень высоко ценил лабораторно-инструментальные методы, считая, что "в наше время работа медицинских учреждений немыслима без примене-

ния сложной лабораторной техники, высокочувствительной аппаратуры, новых современных инструментов". Это высказывание звучит настолько современно, что не возникает сомнений в том, что оно относится к самым последним годам, а на самом деле это было сказано очень давно – 25 лет назад. Таково было научное предвидение В. Х. Василенко.

Неоднократно подчеркивая важность и необходимость скорейшего внедрения в медицинскую практику новейших диагностических методов, современной вычислительной техники ("XX век – ... эпоха научно-технического прогресса во врачевании"), В. Х. Василенко в то же время постоянно напоминал врачам старую истину, что обследование и лечение должны проводиться с максимальной осторожностью и безопасностью для больного, они не должны "быть более опасными для больного, чем сама болезнь" (иногда, к сожалению, врачи забывают об этом, увлекаясь различными исследованиями, нередко ненужными в данном случае, а также новыми, порой еще недостаточно проверенными лекарствами).

Еще один из принципов Владимира Харитоновича: никогда не отказывать в помощи больному человеку. Сам он свято выполнял эту заповедь, что может служить достойным примером: он никогда не отказывал в консультации больному, как бы не был занят. Судьба каждого больного беспокоила Владимира Харитоновича. И если сразу, во время осмотра, ему не удавалось поставить диагноз в особо сложном случае, нередко случалось, что он на следующий

день вновь приходил в палату посмотреть этого больного и еще раз обсудить с врачами диагноз. Иногда он вечером или в выходной день звонил в клинику, справляясь о состоянии больного, которого перед этим консультировал. Мне приходилось слышать от него: "Я вчера плохо спал и все думал о больном, которого вчера консультировал. И знаете, к какому пришел выводу? У него, по-видимому, такое-то заболевание, для подтверждения диагноза нужно произвести следующие исследования...", т. е. и дома, вечером и даже ночью он думал о больных.

Наконец, о человеческих качествах Владимира Харитоновича. Он был очень доброжелательным человеком, его кабинет был открыт для всех – сотрудников клиники, молодых врачей, приезжавших в Москву за советом по поводу своей научной работы, известнейших ученых, которые, приехав в столицу по неотложным делам, просто не могли не выбрать полчаса и не зайти к Владимиру Харитоновичу, чтобы пообщаться с "патриархом" советской медицины, а порой получить мудрый совет и поддержку. Доброта, человечность, желание помочь – эти качества всегда отличали Владимира Харитоновича. Если к этому добавить, что ему были присущи острый ум, любовь к шутке, великолепная память, в том числе и на различные события, происходившие с ним на протяжении всей его долгой жизни, а также яркий талант рассказчика, то можно себе представить, какое наслаждение доставляли эти беседы всем его слушателям.

Многое в моей жизни было связано с именем этого выдающегося терапевта. Впервые о В. Х. Василенко я услышал, еще находясь в аспирантуре: с 1935 г. в медицине стала известна классификация недостаточности кровообращения по Стражеско–Василенко. Тогда, на XII Всесоюзном съезде терапевтов в Ленинграде Н. Д. Стражеско и В. Х. Василенко предложили разработанную на основе их собственного опыта классификацию. Она была доложена, обсуждена и принята с дополнениями Г. Ф. Ланга и с тех пор вошла как классическая классификация в сокровищницу клиники внутренних болезней. Мы и теперь на циклах по усовершенствованию терапевтов напоминаем о ней и руководствуемся ею в практической деятельности. Она конкретна, компактна, удобна в пользовании, четко объясняет острую сердечную недостаточность (с разделением на левожелудочковую, правожелудочковую, тотальную), острую сосудистую (в виде трех форм – обморок, коллапс, шок), хроническую сердечную (с выявлением ее трех стадий – I, II, III) и хроническую сосудистую, к которой относят хроническую сосудистую гипотонию (ортостатическую и др.). Эта классификация как бы свела воедино взгляды крупнейших клиницистов и дала практическим врачам четкую характеристику недостаточности кровообращения.

Весной 1945 г., в самом конце Великой Отечественной войны, на I Украинском фронте состоялась моя первая встреча с В. Х. Василенко. Он был главным терапевтом I Украинского фронта и посетил группу № 1 по изучению шока, где я работал. Начальник нашей группы доц. Т. П. Гугель-Морозова предложила мне показать В. Х. Василенко полученные мною во время войны материалы по кровообращению при шоковых состояниях. Помню, как я старался кратко и доказательно изложить свои данные о многообразии состояний шока у раненых, приводил показатели артериального, пульсового, венозного давления, скорости кровотока, массы циркулирующей крови, состояния сердца и т. д. Владимир Харитонович выслушал меня, задавал вопросы, но ни его замечаний, ни своих ответов я не запомнил, так как очень волновался.

В 1947 г. в Киеве вышла монография В. Х. Василенко "Крупозное воспаление легких". Она была предназначена для практических врачей, в ней В. Х. Василенко в очень четкой и конкретной форме изложил этиологию, патогенез, клинику, течение, осложнения и принципы лечения этого распространенного тогда заболевания. В ней был отражен опыт применения сульфаниламидов и пенициллина.

В 1948 г. после смерти проф. В. Н. Смотровой, руководившей кафедрой пропедевтики внутренних болезней I ММИ, на эту кафедру был избран В. Х. Василенко, который возглавлял затем ее почти 40 лет.

В 1953 г. мы вновь встретились с В. Х. Василенко и с тех пор работали вместе многие годы. В. Х. Василенко был назначен главным редактором журнала "Клиническая медицина", сменив на этом посту проф. М. С. Вовси, я был секретарем редакционной коллегии. Помню, как В. Х. Василенко пришел на первое заседание, где все ему было ново – состав коллегии, характер самой работы. В тот период Владимир Харитонович тяжело переживал последствия душевной трагедии в связи со сфабрикованным "делом врачей". Но постепенно он вошел в курс дела, познакомился с его особенностями и всецело отдался большой, сложной, никогда не прекращающейся и очень интересной работе в журнале.

Редакционную коллегию В. Х. Василенко возглавлял без малого 35 лет. Он был очень серьезным редактором и в значительной

мере продолжал в этом отношении стиль М. С. Вовси. Владимир Харитонович любил эту работу. Он провел более 300 заседаний редколлегии, пропуская лишь единичные и только по очень уважительным обстоятельствам – в связи с отъездом из Москвы или болезнью (что бывало редко). За эти годы им лично просмотрены, обсуждены тысячи статей разных авторов. Владимир Харитонович высоко ценил состав редакционной коллегии – своих непосредственных и ближайших помощников – состав редакционного совета, очень уважительно относился к заведующим редакцией (сначала это были М. Н. Портнова, Л. А. Фирсова, а затем Л. В. Ефимова).

Владимир Харитонович следил за работоспособностью редколлегии, обновлял ее состав, вводя в нее молодых ученых, которым он очень доверял. Внимательно он относился к авторам и их статьям, направляемым в журнал, всегда старался помочь автору, особенно молодому, улучшить статью и напечатать ее в журнале. Хорошо знал и понимал Владимир Харитонович запросы, желания и интересы читателей журнала. По своему профилю журнал "Клиническая медицина" является научно-практическим изданием; Владимир Харитонович хорошо это понимал и постоянно стремился улучшить качество журнала, поднять уровень его фундаментальных, теоретических и оригинальных (научных) публикаций. Но наряду с этим Владимир Харитонович особенно беспокоился о практической направленности журнала. С этой целью он и редколлегия заказывали и подбирали статьи в помощь практическому врачу, сами писали их, старались чаще публиковать обзоры, клинические лекции, заметки и наблюдения из практики.

Очень высоко ценил Владимир Харитонович материалы по истории клинической медицины, сам участвовал в их создании, по его инициативе с 50-х годов журнал украшает портрет великого терапевта С. П. Боткина. В период, когда В. Х. Василенко был главным редактором, журнал отметил свое 50-, 60- и 65-летие. Много сил и энергии, энтузиазма и души вложил Владимир Харитонович в издание любимого журнала. В последние годы у него было много планов и идей по перестройке работы, улучшению качества журнала. Главный редактор всегда стоял на передовых позициях и активно решал задачи, поставленные перед журналом. В истории "Клинической медицины" (журнал издается с августа 1920 г.) почти половина пути связана с именем Владимира Харитоновича Василенко.

Научное наследие В. Х. Василенко огромно и еще будет осмыслено. Особенно хотелось бы отметить его классическое руководство "Пропедевтика внутренних болезней", удостоенное Государственной премии, монографию о пороках сердца, о язвенной болезни и др. Особое место в творчестве В. Х. Василенко занимают две книги – "Врачебный прогноз" (1982 г.) и "Введение в клинику внутренних болезней" (1985 г.). Это работы по клинической философии и теории терапии – ведущей специальности медицины. В них отражены взгляды, мысли, положения старейшего клинициста, мудрого педагога и талантливого врача; книги эти уникальны и нуждаются в переиздании, так как других таких нет. Очень ценны для клиники и воспитания молодых специалистов исторические работы В. Х. Василенко. Среди них перевод и редакция не издававшейся ранее в нашей стране книги Л. Ауэнбруггера о перкуссии, статья по первому применению наперстянки, статья о 100-летию оригинальной методической пальпации брюшных органов В. П. Образцова (обе они напечатаны в "Клинической медицине"). Эти работы В. Х. Василенко особенно дороги клиницистам и очень полезны молодым врачам.

По своему характеру Владимир Харитонович был человеком доброжелательным, внимательным, интересным рассказчиком и собеседником. Серьезный разговор с глубоким проникновением в суть вопроса у него сочетался с шуткой, мягким юмором, которые были особенными, присущими только ему: они никогда не обижали, не выглядели насмешкой, не говоря уж об оскорблении. Это был особый юмор умудренного жизнью старшего товарища и друга.

8 июня 1987 г. на кафедре, возглавляемой В. Х. Василенко, проходило чествование юбиляра по случаю его 90-летия. Много было теплых, искренних приветствий, выступлений, стихов, цветов и подарков. Владимир Харитонович, как всегда, шутил, сопровож-

дая приветствия своими "комментариями", находившими живой отклик у собравшихся. Шутка помогала Владимиру Харитоновичу скрыть свое волнение и смущение. После чествования, 10 июня 1987 г., он написал мне: "Дорогой Георгий Павлович! Благодарен Вам! Наконец-то музыка отгремела, можно было бы заплакать от умиления и глубже понять желание людей найти что-то хорошее, утешительное. Надеюсь, Вы будете веселиться по поводу моих глупых выкриков (было трудно)".

Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне радость общения с таким замечательным человеком, каким был Владимир Харитонович Василенко.

Ф. А. Михайлов (Москва)

После того, как столь трагически оборвалась работа в журнале "Клиническая медицина" М. С. Вовси, ее главным редактором стал В. Х. Василенко. Это была достойная замена. Владимир Харитонович был настоящим ученым и прекрасным практическим врачом; он всегда следил за строго научным характером журнала, стремился к тому, чтобы в нем не было не совместимых с наукой шумихи, рекламы. Вместе с тем он никогда не забывал о нуждах практических врачей и с особым вниманием относился к подбору статей для раздела "В помощь практическому врачу". Как настоящий ученый, он ценил не только те работы, которые соответствовали его собственным взглядам; он постоянно повторял, что очень любит научные споры, ведь наука движется вперед именно благодаря им. Без ничем не стесняемого столкновения суждений нет прогресса науки, а администрирование ведет к ее вырождению. В. Х. Василенко никогда не пытался подавить свободу мнений других членов редколлегии, прислушивался к ним и уступал решению большинства.

Врожденная склонность Владимира Харитоновича к юмору оживляла заседания редколлегии, однако его остроты никогда не были обидными. Вспоминая многочисленные заседания редколлегии с участием В. Х. Василенко, понимаешь, как хорошо он знал особенности и человеческие качества каждого из сотрудников журнала и как умел направить их на общее дело.

Есть одно свойство человека, которое должно быть обязательным для всех профессий и для людей любого положения, — это порядочность. У В. Х. Василенко не было ни одного недостойного поступка, он мог служить образцом порядочности. Хочется отметить и еще одно качество, которое было присуще Владимиру Харитоновичу в полной мере, — это доброта, товарищеское отношение к людям.

Несколько месяцев назад у меня дома раздался телефонный звонок. Говорил В. Х. Василенко. Он осведомился о моем здоровье и самочувствии, а кончил так: "Помните, что Вы нам очень нужны". Он знал, что я не совсем здоров и считал, что я нуждаюсь в моральной поддержке. Позднее, когда он уже лежал в больнице и знал, несомненно, что это конец, он поздравил меня с юбилеем.

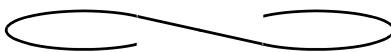
Поздравительное письмо было напечатано на машинке; он его подписал, но подпись вышла не совсем разборчиво и тогда он подписал еще раз; значит, даже умирая, он думал о своих товарищах.

Несколько лет назад я имел возможность получить еще одно подтверждение замечательных человеческих качеств В. Х. Василенко. Я написал статью о красоте в медицине. Для меня она была, так сказать, принципиальной. Задача была написать работу, являющуюся одновременно и научным, и литературным произведением. Владимир Харитонович просмотрел мою статью и сказал, что она ему не нравится. Прошло какое-то время, и на очередном заседании редколлегии он предложил напечатать эту статью в качестве передовой. Он прислушался к мнению рецензентов, сам перечитал рукопись и не посчитал для себя зазорным изменить свое первоначальное мнение. Это — поступок настоящего человека.

Встает в памяти еще один давний эпизод. В журнал поступила статья одного крупного, талантливого советского ученого, работы которого прежних лет принесли ему заслуженную известность. Присланная статья была плохо написана и члены редколлегии были смущены: что делать? И тогда Владимир Харитонович сказал примерно следующее: "Долг наш защищать перед людьми (читателями) славу этого человека. Значит, несмотря на все наше уважение к нему, мы обязаны отказаться от публикации статьи, конечно, сделав этот отказ так, чтобы поменьше травмировать психику автора".

И еще одна особенность Владимира Харитоновича, которая привлекала к себе внимание окружающих. Старому человеку трудно уследить за новым, в таком количестве приходящим в медицинскую науку и практику. Наблюдая за В. Х. Василенко, работавшим в редакции, можно было лишь поражаться широте его знаний и тому, что никакого отставания от века в его знаниях не чувствовалось; он знал и понимал настоящее и хорошо помнил прошлое.

О Владимире Харитоновиче Василенко можно сказать просто: это был большой ученый, большой врач и большой человек.

Когда Владимира Харитоновича не стало, в моей душе осталась незаполненная пустота — настолько необходимым и привычным стало для меня общение с этим незаурядным человеком. Вначале это общение было частым, потом, к сожалению, эпизодическим.

Первые наши встречи относятся к довоенному периоду. Будучи аспирантом, я встречался с Владимиром Харитоновичем в основном на заседаниях Киевского терапевтического общества, которое в те годы возглавлял проф. Н. Д. Стражеско, в аудитории руководимой им факультетской терапевтической клиники; проходили они очень активно, сопровождались оживленными и интересными прениями. На одном из заседаний, состоявшемся в начале 1934 г., Владимир Харитонович очень интересно и остроумно выступил в прениях. Мои товарищи по аспирантуре говорили о нем как о высокоэрудированном и философски "подкованном" клиницисте. В последующем я ближе узнал В. Х. Василенко, который одно время ведал аспирантами Киевского медицинского института; мы его тогда любовно называли "Харитонычем". Запомнилось, что, несмотря на разницу в годах и занимаемом положении (он был доцентом, а мы только аспирантами), он дружески держался с нами, только начинавшими свой клинический путь. Нас, аспирантов, довольно часто собирали, организовали нам занятия по философии (как тогда называли, по диамату); одно из занятий проводил В. Х. Василенко. Эта лекция была в свое время напечатана в газете института, а затем легла в основу одной из его публикаций в медицинском журнале Украинской АН. Тогда же он опубликовал в этом же журнале статьи с описанием предложенного им метода прощупывания нисходящего и восходящего отделов толстой кишки, пальпации желудка, описал IV тон сердца и пр.

Вскоре В. Х. Василенко перешел на работу в Институт усовершенствования врачей, помещавшийся на ул. Саксаганского, 75 (бывшая больница Красного Креста), в качестве заведующего клиникой терапии, в которой он проработал до начала Великой Отечественной войны. В этой клинике он закончил свою докторскую диссертацию об обменных нарушениях при недостаточности кровообращения. Вспоминается его совместный с проф. Н. Д. Стражеско доклад на 12-м Всесоюзном съезде терапевтов в Ленинграде в 1935 г., куда меня командировали в качестве поощрения за успешное прохождение аспирантуры. Как известно, в этом докладе была предложена классификация недостаточности кровообращения, рекомендованная съездом и ныне принятая в нашей стране. Мы имели возможность ознакомиться с этим докладом раньше — на заседании Киевского терапевтического общества.

Великая Отечественная война прервала наши встречи. Только в июне 1945 г. я вновь встретился с Владимиром Харитоновичем на пленуме Главного военно-санитарного управления Красной Армии в Москве, где он выступал в прениях по докладу начальника управления Е. И. Смирнова о значении терапевтической службы во время войны, делился своим опытом работы фронтового терапевта. После демобилизации В. Х. Василенко уехал во Львов, где возглавлял одну из терапевтических кафедр медицинского института и успешно продолжал научную работу.

Новая наша встреча состоялась в 1947 г. (я в то время уже был профессором в Ижевском медицинском институте) опять в Ленинграде, на 13-м Всесоюзном съезде терапевтов. Во время одного из перерывов мы, бывшие киевляне, сфотографировались группой, в центре которой сидели В. Х. Василенко и В. Н. Иванов. Владимир Харитонович много, со свойственным ему юмором, рассказывал нам о работе во Львове, о том, что он иногда, будучи профессором, дежурил по клинике вместо своей жены, у которой была маленькая дочь. Вскоре после этого съезда В. Х. Василенко переехал в Москву и стал заведовать кафедрой пропедевтики внутренних болезней I ММИ, где я нередко бывал.

В последующем наше общение стало более частым и, я бы сказал, более близким, поскольку В. Х. Василенко возглавил гастроэнтерологическую науку в стране, создал Институт гастроэнтерологии и таким образом стал лидером терапевтов, занимающихся заболеваниями пищеварительного аппарата. Среди его почитателей был и я. При встречах с ним я всегда испытывал отрадное чувство общения с доброжелательным старшим товарищем, каким он и остался в моей памяти. Поэтому так сильна боль от понесенной утраты.

С послевоенной деятельностью Владимира Харитоновича связано много дорогих для меня воспоминаний. Всегда с благодарностью я буду вспоминать его доброжелательность, тонкий юмор, который он так щедро дарил всем нам не только при встречах в узком кругу, но и при общении на различных съездах и конференциях. Особенно теплой была встреча в Душанбе на пленуме ВНОГ, который совпал с 80-летием Владимира Харитоновича; я подарил ему шахтерскую лампу.

Как память на всю оставшуюся жизнь у меня будут храниться книги В. Х. Василенко с дарственными надписями, которые он присылал в ответ на мои с радостью отправленные ему книги и сборники.